

Т. В. АГЕЙЧЕВА

**Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК
КАЗУС «ВЕЧНОЙ
РЕВОЛЮЦИОННОСТИ»**

КНИГА 1

The bottom half of the cover features a complex, abstract geometric pattern. It consists of numerous irregular polygons in various shades of light blue and white, creating a mosaic-like effect. The pattern is dense and covers the entire lower portion of the book cover.

Т. В. Агейчева
Р. В. Иванов-Разумник.
Казус «вечной
революционности». Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48479716
ISBN 9785005068255

Аннотация

Р. В. Иванов-Разумник (1878—1946) – автор философии «имманентного субъективизма» и претенциозной концепции русской интеллигенции. Мировоззрение Р. В. Иванова-Разумника как одного из типов интеллигентского сознания первой половины XX в. интересно в связи с возможностью проследить идейную и нравственную генеалогию той части общества, что сегодня называет себя креативным классом. Книга адресована историкам, а также всем интересующимся отечественной историей и историей русской общественной мысли.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Р. В. Иванов-Разумник.
Казус «вечной
революционности»
Книга 1

Т. В. Агейчева

© Т. В. Агейчева, 2019

ISBN 978-5-0050-6825-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-6826-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Социально-политические изменения в России в последнее десятилетие XX века поставили на повестку дня, в том числе для научного осмысления, вопросы историко-философские и методологические. В значительной части они совпадали с теми, что решались русской общественностью в начале XX века.

Вопросы эти – о роли и предназначении России в судьбах человечества и о судьбах человечества в целом, о содержании исторического прогресса, о роли интеллигенции в историческом развитии.

Тема интеллигенции, актуализированная уже во второй половине 1980-х гг., помимо сюжета о её исторической функции, включала в себя и вопрос о сущности самого явления интеллигенции. В контексте исторического момента необходимость определения возникла в связи с потребностью отделить «чистых» от «нечистых», то есть «подлинную» (демократическую, диссидентскую) интеллигенцию, якобы составлявшую во все времена стержень отечественной культуры, отделить от «испорченной» сервильной советской интеллигенции.

Вспоминается постоянное присутствие этой темы в публичном пространстве, в печати. Памятны также телевизионные беседы об интеллигенции и интеллигентности

Ю. М. Лотмана.

Указанный период был отмечен возвращением в науку, литературу, публицистику забытых, а некогда весьма и весьма популярных имен.

Р. В. Иванов-Разумник в их числе.

Современники знали о нём как об историке литературы и историке интеллигенции, литературном критике и литературном редакторе, издателе, активном общественном и политическом деятеле.

С научной точки зрения обращение к фигуре Иванова-Разумника тогда было актуально для изучения русской общественной мысли на переломе эпох.

Во-первых, это было актуально с точки зрения предложенных Ивановым-Разумником схем (мировоззренческой, интеллигенции, социально-политической, даже футурологической), то есть, с точки зрения пополнения знаний об имевшихся в это время концепциях.

Во-вторых, жизнь и творчество этого человека – один из образцов интеллигентского сознания и судьбы интеллигента в переломные для России годы. В этом смысле Р. В. Иванов-Разумник был особенно интересен в силу яркости индивидуального характера и рельефного проявления типических черт, присущих интеллигенции.

Таким образом, оформлялось широчайшее поле для исторической работы: и в направлении истории мысли, и изучения русской интеллигенции в первой четверти XX века,

и взаимоотношений интеллигенции и власти, и даже довоенной и послевоенной эмиграции и её духовной атмосферы.

Интерес к фигуре Р. В. Иванова-Разумника стимулировал переиздание ряда его работ – статей, воспоминаний, монографии об интеллигенции¹, а также организацию и проведение научных конференций, посвящённых Иванову – Разумнику и его творчеству. В 1993 году это были Чтения в Музее Андрея Белого в Москве, в 1996 и в 1998 годах – в Царском Селе с участием философов, историков, литературоведов, музейных работников не только из России, но и Японии, США, Израиля. На излёте 1990-х гг. творческое наследие Р. В. Иванова-Разумника стало предметом ряда диссертационных исследований в области истории философии и истории.²

¹ См.: Иванов-Разумник Р. В. Судьбы писателей // Время и мы. 1985, №85, 86; то же // Возвращение: Сб. прозы, поэзии, критики, философских эссе. М., 1991, Вып. 1; Иванов-Разумник Р. В. Испытание в грозе и буре. Весть весны // А. Блок, Белый А: Диалог поэтов о России и революции. М. 1990; Иванов-Разумник Р. В. Тюремь и ссылки (отрывки) // Вопросы литературы. 1991, №11/12; Иванов-Разумник Р. В. Памяти Ал-ра Блока // Согласие. 1991, №8; Иванов-Разумник Р. В. Тюремь и ссылки «По тюрьмам на родине» // Мера. 1994, №1, 2; Иванов-Разумник Р. В. Два цвета общества. Об интеллигенции и мещанстве // Новое время. 1995, №23; Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. М. 1997. Т. 1—2т.

² См.: Возякова Т. И. Философская концепция Р. В. Иванова-Разумника. Диссертация на соискание учёной степени к. ф. н. Екатеринбург, 2000; Агейчева Т. В. Концепция интеллигенции и истории русской общественной мысли в трудах Р. В. Иванова-Разумника. Диссертация на соискание учёной степени к. и. н. М., 2001.

Работа, предлагаемая вниманию читателя, была написана и защищена в качестве кандидатской диссертации на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова именно тогда, в тот «оптимистичный» для «демократической» общест-венности период.

В последующие годы в связи с радикальным изменением социального ландшафта и тема интеллигенции, и самоё явление интеллигенции заметно поблекли. Упоминание о ком-либо как об интеллигенте сегодня обнаруживает, скорее все-го, его солидный возраст и известную старомодность, а заяв-ление одного из странных гостей очередного политического телешоу: «мы – московская интеллигенция», заставляет усом-ниться в его психической адекватности.

Сегодня на авансцене другое явление – самопровозгла-щённый креативный класс.

Для историка – это повод обернуться назад и попытаться проследить историческую генеалогию претендентов на па-тент. История, всё-таки, учительница жизни.

Исследование об Иванове-Разумнике, с некоторыми до-полнениями и исправлениями, таким образом, вновь обре-тает актуальность. Остаётся пожелать читателю интересного и полезного чтения.

ВВЕДЕНИЕ

Объём исследовательской литературы о Р. В. Иванове-Разумнике, если не учитывать оперативной историографии – критических откликов на его сочинения, в целом невелик.

Статьи о нём есть в различных справочно-информационных изданиях, от современных Иванову-Разумнику работ до тех, что появились в последние десятилетия: энциклопедиях, библиографических томах, биографических словарях.

Примечательно, что авторам-современникам Р. В. Иванова-Разумника не всегда удавалось выдержать нейтральную тональность, характерную для такого рода изданий. В качестве примера могут выступить статья В. Фр. (Фриче) в 7-м издании энциклопедического словаря института Гранат или раздел в библиографическом указателе «Русские писатели» И. В. Владиславлева, изданном в 1924 году. По статьям в словарях можно отследить и смену методологических подходов к оценке содержания и значения его работ и даже настроения их авторов по отношению к Р. В. Иванову-Разумнику. Так, С. Венгеров (Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона (1905 – 1916)) позволил себе не только критические высказывания о его главных трудах, но и снисходительно-дружеские замечания, вроде: «И, в конце концов, его одушевляет вера в добро, и он только заслоняет его каким-то непонятным разуму «непосредственным чув-

ством»³. Или вот такое, например, трогательное: «Мережковского Иванов-Разумник не любит и считает его произведения «мёртвым мастерством»⁴.

В советских изданиях, по известной схеме, в основе аналитической части – идеологическое содержание творчества представляемого персонажа. Поэтому из статей в «Литературной энциклопедии» 1930 года, «Большой Советской энциклопедии» 1933 года, «Краткой литературной энциклопедии» 1966 года, Философской Энциклопедии в 5-ти тт. 1960—1970 года читатель узнаёт о том, что идеи и образы произведений литературы Иванов-Разумник отрывает от их реальных носителей и от классовой борьбы. Будучи субъективным идеалистом, он оперирует мыслями как самостоятельными сущностями. После Октября 1917 года политически он примыкал к левым эсерам, а за границей опубликовал книги антисоветского характера. Один из авторов, М. Добрынин («Литературная энциклопедия» 1930 года) вслед за Г. Плехановым, яростного борца с мещанством Иванова-Разумника определил в стан идеологов мелкой буржуазии и мещанства.

Характер статей коренным образом изменился в словарях 1990-х гг. Авторы биографического словаря «Политические

³ Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1905 – 1916. Т.18, Стб. 949 – 950.

⁴ Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1905 – 1916. Т.18, Стб. 949 – 950.

деятели России 1917» и биографического словаря «Русские писатели 1800 – 1917», вышедших в 1992 году (статьи Я. Леонтьева и А. Лаврова) отказались от критики в пользу информативности работы.⁵

Р. В. Иванов-Разумник фигурирует в историографических сочинениях разных лет и направлений, будь то историография истории и методологии литературы, истории, или историография вопроса.

В 1919 году книгой «Своеобразие русской литературы» был выпущен курс лекций по истории новейшего русского словесного искусства Н. Ефимова, где Иванов-Разумник со своей «Историей русской общественной мысли» представлен как историк литературы, имеющий оригинальную и спорную методологическую концепцию. Кроме конспективного изложения основных положений «Истории...» Ефимов использовал и критику, например, рецензии Франка и Волжского, и специальные историографические исследования других авторов: соответствующий раздел из книги «М. Ю. Лермонтов» Н. Котляревского (1915 г.), и работы «Из лекций по методологии истории русской литературы» В. Н. Перетца (1914 г.).

Историографическая литература советского времени

⁵ См. также: Культурология XX век. Энциклопедия. В 2 тт., СПб., 1998; Новая философская энциклопедия. В 4 тт., М., 2001; Новая философская энциклопедия. В 4 тт., М., 2010; Русская философия. Энциклопедия. М., 2014.

определяла Иванова-Разумника субъектом историографии⁶. Так, Ш. М. Левин причислял его работы к историографии русского освободительного движения. Целую страницу текста посвятил Иванову-Разумнику, и отрекомендовал его историком, неонародником эсеровского направления А. Н. Цамутали в известной «Борьбе направлений в русской историографии в период империализма». Вслед за Цамутали к либерально-народнической историографии Иванова-Разумника причислила М. Г. Вандалковская. Она определила Иванова-Разумника одним из крупнейших историков своего направления. В двух ее историографических работах: статье «К вопросу о содержании понятия „интеллигенция“ в литературе начала 20 века» 1985 г. и книге «История изучения русского революционного движения середины XIX века» 1989 г. представлен анализ его концепции исторического процесса и, в рамках этой концепции, понимания интеллигенции и её роли в общественном развитии.

В рамках тематических исследований Иванов-Разумник с его мировоззренческой концепцией тоже присутствует. В книге М. В. Вандалковской «М. К. Лемке – историк русского революционного движения». 1972 г. о нём было упомянуто в связи с постоянными дружескими и рабочими связями с М. К. Лемке. М. Г. Петрова анализировала как деятельность Иванова-Разумника в изданиях социалистов-ре-

⁶ См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.

волюционеров и характер его взаимоотношений с эсерами, так и философские взгляды в контексте неонародничества в статье «Эстетика позднего неонародничества.» Необходимо назвать еще две статьи, предваряющие публикации. В 1981 и 1988 г. в серии «Литературное наследство» были опубликованы документы переписки А. Блока с Ивановым-Разумником и М. Горького с ним же. Публикации снабжены вступительными статьями, в первом случае, А. В. Лаврова и, во втором случае, Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова. Статья Лаврова содержит биографические данные об Иванове-Разумнике и размышления о содержании и эволюции его мировоззрения «навстречу Блоку». Во второй статье представлена история взаимоотношений, личных и литературных, с А. М. Горьким.

Исследовательская литература постсоветского периода – новый этап в изучении жизни и творческого наследия Иванова-Разумника. Этот этап характеризуется не только очевидной активизацией изыскательской деятельности в связи с персоной Р. В. Иванова-Разумника, но и столь же очевидной переменой общей тональности высказываний по поводу его личности и творчества. На смену критике пришла комплементарность.

В 1991 году журналом «Звезда» была опубликована статья В. Г. Белоуса «Скифское» или трагедия мировоззрительного отношения к действительности». Можно сказать, ею открывается период активных изысканий. В 1993 году в жур-

налах «Библиография» и «Литературное обозрение» были опубликованы статья В. Г. Белоуса и Я. Леонтьева «Совесть русской литературы», В. Г. Белоуса «Испытание духовным максимализмом» и подробнейшая хронологическая таблица всей жизни и творчества Иванова-Разумника, составленная Я. Леонтьевым. Все работы – о его мировоззрении и судьбе.

Статьи появились на пике разоблачительных антитоталитарных настроений первой половины девяностых, и, соответственно, на волне широкого интереса к отвергнутым, по разным причинам, в предшествующий период именам. Авторам не удалось избежать «широковещательной патетики» (выражение М. Добрынина, автора статьи в «Литературной энциклопедии» 1930 г.), так свойственной, к слову, сочинениям самого Р. В. Иванова-Разумника. Особенно ярко это свойство проявилось у В. Г. Белоуса.

С 1993 года в разных журналах, преимущественно в «Вопросах философии», а также в журналах «De Visu», «Вестник Российского гуманитарного научного фонда», «Диалог, Карнавал, Хронотоп» В. Г. Белоус поместил ряд статей и публикаций о Вольной Философской Ассоциации: её истории, содержании работы, о людях, с нею связанных. А В 1997 году выпустил монографию «Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919 – 1924) – антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране». Название монографии красноречиво. Настроения первого знакомства в конъюнктуре начала 1990-х сохранились у этого ав-

тора. Настроения исключили почти всякую критичность. В этом же стиле оформлена еще одна статья В. Г. Белоуса 1995 г. «Реконструкция „антроподицей“ или самооправдание Иванова-Разумника». Она помещена на страницах газеты «Русская мысль». В ней – попытка восстановить содержание утраченной рукописи Иванова-Разумника на основании других текстов.

Возвращаясь к теме Вольной Философской Ассоциации, нельзя обойти вниманием работу, важную постановкой вопроса. В 1990 году в Блоковский сборник ученых записок Тартуского университета вошла статья Ренаты фон Майдель, без названия, о пересечении антропософии и русской духовной атмосферы в первые годы после революции 1917 г. Автором разрабатываются сюжеты: антропософия в Вольфиле, и «Скифы» и антропософия. Статья фон Майдель интересна и важна потому, что антропософское движение было весьма популярным в интеллигентской среде в числе прочих сомнительных сектантских увлечений начала XX века. Еще потому, что антропософия – тема актуальная для Иванова-Разумника. Антропософом был близкий к нему А. Белый и многие вольфильцы, отношение самого Иванова-Разумника к антропософии в течение жизни менялось в сторону от ее абсолютного неприятия.

Вольфильцы называли свое учреждение «Скифской академией». «Скифство» трактуется в литературе как особый этап в политической и литературной жизни Иванова-Разум-

ника. Эта тема – одна из самых популярных. О различных аспектах и проявлениях «скифства» писали Е. А. Дьякова (статья «Христианство и революция в мирозерцании „скифов“ (1917—1919)»), И. М. Грачева («Скифство» в интерпретации Алексея Ремизова.), А. Гильднер (Иванов-Разумник и «скифский» мотив в русской культуре) и С. Хоффман (Есть ли место «скифским» мотивам в современном идеологическом спектре?). Кроме статьи Дьяковой, опубликованной «Известиями Академии Наук СССР» в 1991 г., названные работы помещены в сборнике статей «Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре» 1996 г.

Ещё одно попутное замечание. С. Хоффман занималась «скифской группой» уже в первой половине 1970-х годов, но публиковалась только за границей. На ее работу 1979 г., вышедшую в Стокгольме, и книгу об Иванове-Разумнике и концепции «скифства» Е. Добрингер, выпущенную в Мюнхене в 1991 году, давал ссылку А. Гильднер, утверждая, что «скифство» уже давно интересует западных исследователей.

Авторы представленных работ демонстрировали разное понимание «скифства», не на уровне решения прикладных задач, как то, история «скифской группы», тематика теоретических изысканий и т.п., а в определении культурно-исторических масштабов явления, а также его философской глубины и, соответственно, перспективы.

А. Гильднер и С. Хоффман, при общем романтически-комплементарном отношении к «скифам», ведомым

Ивановым-Разумником, рассматривали «скифство» в наборе идей, которые в разрозненном виде, или в различных комбинациях и внешнем выражении проходят через всю культурную историю человечества, но наиболее употребимы в России в силу ее географической и культурной раздвоенности. Однако авторы обнаружили во многом механическое, поверхностное видение проблемы. Так, например, С. Хоффман перешла к совсем уже вольным упражнениям со «скифской» тематикой, а заодно и с политической терминологией. Она искала и нашла (!) «скифские» мотивы одновременно в нескольких современных конкурирующих идеологиях.

В статьях Е. А. Дьяковой и И. М. Грачевой исследовались вопросы, занимающие не последнее место в деле выяснения источников и эволюции мировоззрения Иванова-Разумника – именно, антихристианские настроения главного «скифа» и эзотерические увлечения интеллигенции, отразившиеся и в «скифской» литературе и публицистике. Кроме того, «скифство» у этих авторов ограничено «скифством», то есть понималось в связи с конкретными носителями и обстоятельствами.

Одна из центральных в творчестве Иванова-Разумника тема – интеллигенция и ее противопоставление мещанству, послужила основанием для написания соответствующих работ. Одна из них – «Концепция интеллигенции Иванова-Разумника и современность» В. А. Петрицкого, другая – «Встреча серебряного века с железным. Иванов-Разум-

ник о судьбе мещанства и массовой культуры» В. Г. Лебедевой. Указанные статьи обращают на себя внимание не реферативной частью, а установочной. Очень близки по настроению и В. А. Петрицкий, и В. Г. Лебедева к В. Г. Белоусу. Их работы – коллективный панегирик Р. В. Иванову-Разумнику. Иванов-Разумник с его концепцией имманентно антимещанской интеллигенции – персонаж не просто вне критики. Он пророк, недооцененный мыслитель из плеяды деятелей Серебряного Века. В. А. Петрицкого, например, такая постановка вопроса приводит к явной нелепице. Он пишет: «пророчеству мыслителя не суждено сбыться – история пошла иным путем»⁷.

Во-вторых, для обеих работ очевидна жесткая идеологическая привязанность авторов, и так же очевидна ее неуместность. Вот несколько примеров для иллюстрации. «Не поворачивается язык, чтобы воспроизвести гнусные и в высшей степени несправедливые высказывания В. И. Ульянова (Ленина) об интеллигенции...»⁸, или: «Мещанство в 1920-1980-х гг. пронизывало все сферы жизни так называемого социалистического общества. Его противовес – интеллигенция, которая имела бы высокий нравственный ориентир, либо

⁷ Петрицкий В. А. Концепция интеллигенции Иванова-Разумника и современность // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.140.

⁸ Петрицкий В. А. Концепция интеллигенции Иванова-Разумника и современность // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.140.

была уничтожена, либо ушла в подполье. <...> Но в начале 1990-х гг. в России появилась возможность восстановить свободу слова, печати, инакомыслия»⁹. Или вот такое, явно искусственное «условно ложное» соединение: «Концепция Иванова-Разумника особенно интересна и потому, что возникла в стране анти индивидуализма, а значит, была predisposed к быстрому распространению массовой культуры»¹⁰.

Во втором выпуске сборника «Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре» 1998г. В. А. Петрицкий поместил еще одну статью под названием «Эволюция отношения Иванова-Разумника к идеалам отечественного либерализма». Здесь он обошелся без явных идеологических деклараций, но впал в другую крайность – попытался приспособить мировоззрение Иванова-Разумника к традиционно западному либерализму, к так называемым общечеловеческим ценностям. Втиснуть Разумника в либерализм просто так нельзя. Приписать ему эволюцию по направлению к либерализму через использование неприятия большевизма можно. Можно также расчленить целостное мировоззрение на составляющие, вспомнить, что либерализм в середине 1900-х казался Иванову-Разумнику жизнеспособным, так

⁹ Петрицкий В. А. Концепция интеллигенции Иванова-Разумника и современность // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 141.

¹⁰ Лебедева В. Г. Встреча серебряного века с железным // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 144.

как приближался к программе-минимум социализма, выяснить таким образом, что элементами либерализм был герою свойствен, и говорить не только об эволюции, но и о возвращении к либеральным, в том числе либеральным этическим, взглядам. Совершенно очевидно, что и постановка вопроса, и логика рассуждений были продиктованы личными идеологическими пристрастиями автора статьи.

Особняком в ряду стоит статья Э. Мануэльян «Этнографическая публицистика Иванова-Разумника и М. М. Пришвина: „Деревня“ после революции 1905 г». Предмет исследования – деревенская публицистика Иванова-Разумника. Автор статьи определила точнее – неонародническая публицистика, основу которой составили попытки осмыслить культуру послереволюционной деревни.

«Деревенские» статьи М. М. Пришвина и Р. В. Иванова-Разумника Э. Мануэльян рассматривала сквозь призму так называемого «этнографического субъективизма». Термин этот был введен антропологом Д. Клиффордом. Им обозначалось такое отношение исследователя-антрополога или этнографа к изучаемой культуре, когда он, находясь внутри неё, остается всё же в роли стороннего наблюдателя, то есть толкует происходящее соответственно своей культурной принадлежности. Это значит, что на адекватное описание и изложение истинной картины такой исследователь претендовать не может.

Публицистику Иванова-Разумника от публицистики При-

швина, при сходстве внешних приемов — повествование от первого лица, инсценировка присутствия внутри среды, подробный пересказ диалогов и т. д. — отличает как раз этот «этнографический субъективизм». Если у Пришвина обнаруживается стремление вникнуть в чуждую ему логику, то Иванов-Разумник, при том, что он настаивал на объективности своих наблюдений и близости к людям и событиям, остался чужим в культурном пространстве русской деревни. Иными словами, он не стремился увидеть и понять деревню такой, какой она была в действительности, но видел то, что хотел в ней увидеть, что соответствовало его собственным политическим установкам. Таким образом, Иванов-Разумник участвовал в деле мифологизации деревни периода между двумя русскими революциями.

Справедливости ради нужно отметить, что, например, В. Г. Белоус все-таки не избежал «трудных» вопросов к Вольфиле и Иванову-Разумнику как её творцу и вдохновителю. В исследованиях и публикациях о постоянных членах и редких посетителях Ассоциации, например, о Л. В. Пумпянском и М. М. Бахтине, он вынужден был выяснять причины внутренних противоречий и отказа от участия в работе Вольфилы в будущем представителя элиты отечественной философии М. М. Бахтина. В этих его работах проходит мысль об объективном отсутствии, не по политическим мотивам, научного будущего у «скифской академии». Но это лишь эпизоды и, такое ощущение, нежелательные для

В. Г. Белоуса, потому что в обобщающей книге о Вольфиле «Петроградская Вольная Ассоциация...» выводам такого рода места не нашлось.

Ряд статей имеет информационно-уточняющее значение. В них дополнены фактически либо реконструированы эпизоды биографии Иванова-Разумника или содержание его деятельности в разное время. Исследовательские работы этого направления могут быть посвящены целенаправленно только Р. В. Иванову-Разумнику. Ж. Шерон в статье «Военные годы Иванова-Разумника» предпринял попытку реконструировать по письмам и воспоминаниям период от его отъезда из Царского Села в 1942 году до смерти в 1946 году в Мюнхене. Этот сюжет существенно дополнен вступительной статьей В. Г. Белоуса к публикации эмигрантской переписки 1942, 1946 годов по поводу судьбы Иванова-Разумника, и где есть сведения об истории его взаимоотношений с газетой «Новое слово». Статья Я. В. Леонтьева «Иванов-Разумник в показаниях («дела» 1933 и 1937 гг.)» представляет особый интерес. В ней использованы материалы из архивов ФСБ и воспоминания, и автор не исключил, анализируя эти материалы, наличия «подводной части» в биографии Разумника – некой не мифической, а действительной подпольной антисоветской деятельности.

Информацию о деятельности и фактах биографии Иванова-Разумника содержат также статьи тематические. Например, в работе В. Г. Белоуса «Александр Блок в «Деле ле-

вых социалистов-революционеров», вступительной к публикации документов, приведены некоторые данные о составе проходящих по «делу», поводах к арестам и содержании показаний. В статье «Иванов-Разумник и освободительное движение в России» Я. В. Леонтьев затронул и тему непосредственного его участия в политических акциях, и восстановил историю организации и попыток организации изданий с участием социалистов-революционеров.

Особый интерес представляют работы профессора русской литературы университета Беркли О. П. Раевской-Хьюз.

В статье 1996 года об Иванове-Разумнике в 1942 году, помещённой в Блоковском сборнике, на неопубликованных материалах из сохранившейся части архива Иванова-Разумника периода эмиграции осуществлена реконструкция жизни и быта Иванова-Разумника и его жены в пересыльном лагере Коница в 1942 году.

В работе «Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942—1946 годов» 2001 года О. П. Раевская-Хьюз выступила в роли составителя, автора вступительной статьи и комментариев к публикации единым комплексом материалов переписки Иванова-Разумника с представителями русской эмиграции.

Наконец, еще один вариант статей указанного характера – статьи самостоятельные и вступительные к публикациям, об истории взаимоотношений Р. В. Иванова-Разумника, профессиональных и личных, с коллегами по лите-

ратурной деятельности. В сборниках по материалам конференций, посвящённых Иванову-Разумнику, помещены, например, статьи Л. Ф. Карохина «Иванов-Разумник и Есенин», Л. Н. Ивановой «Иванов-Разумник и Леонид Андреев», вступительные статьи к публикациям: Е. Обатниной и В. Г. Белоуса о длительных и близких связях с Ремизовыми, Р. А. Городницкого о непростых отношениях с Б. Савинковым. Обширной статьёй-предуведомлением о многолетних тесных дружеских, тоже очень непростых отношениях с А. Белым А. В. Лавров снабдил изданную солидным томом в 1998 году переписку А. Белого и Р. В. Иванова-Разумника.

И последнее, имеющаяся на сегодня литература об Иванову-Разумнике в очень малом количестве представлена работами историческими. В основном, им занимаются философы и литературоведы, или историки литературы. М. Г. Вандалковская, Я. В. Леонтьев, может быть, Ж. Шерон, и при этом, для М. Г. Вандалковской Иванов-Разумник персонаж второстепенный, – вот, пожалуй, скромный список авторов-историков.

Первая большая группа источников по теме – сочинения Р. В. Иванова-Разумника.

Две книги имеют принципиальное значение для исследо-

вания идейного содержания творчества Иванова-Разумника. Первая, как называл её сам автор, юношеская работа – «История русской общественной мысли». (В первом издании у книги имелся подзаголовок «Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни»). В этом сочинении Иванов-Разумник представил собственную концепцию содержания и смысла человеческой истории, определение термина исторического прогресса, его движущих сил и сил, противодействующих позитивному развитию. Главное действующее лицо книги – интеллигенция, её антипод – мещанство. Борьба между ними – одна из составляющих исторического процесса. Выработка, в том числе и интеллигенцией, новых духовных ценностей – его смысл. Эти процессы отражены, естественно, в развитии общественной мысли, а отражение последней, в свою очередь, литература.

Таким образом, уже первый монографический опыт Иванова-Разумника – это заявка на некое цельное, комплексное философское, историческое, политическое и литературоведческое исследование. Первое издание книги увидело свет в 1906 году (хотя на титульном листе значится 1907 год). «История русской общественной мысли» имела успех и переиздавалась ещё четыре раза. Последнее, пятое издание состоялось в 1918 году, преобразовавшись из двухтомника в сочинение в восьми томах. Дополнения, которые Иванов-Разумник вносил в новые издания, не носили принципиального характера. Текст, как, к слову, и во всех остальных

работах не перерабатывался, но механическими вставками расширялись отдельные сюжеты либо добавлялись очередные главы по мере появления новых фактов политической и литературной жизни, а какие-то кусочки текста могли быть изъяты.

Так, например, в сравнении с первым, в последнем издании значительно объемней стал раздел, посвященный творчеству Пушкина и Лермонтова, появился раздел о декабристском движении с подробнейшим очерком об источниках, эволюции декабристских взглядов и движения в целом. В издании 1918 г., во-первых, расширился и, во-вторых, иначе структурно оформился материал об эпохах 1830-х, 40-х, 50-х гг.

Если в 1906 г. в один раздел были объединены материалы о 30-х и 40-х гг. XIX в., то к пятому изданию раздел о 1830-х гг. выделился в самостоятельный с подробной характеристикой идейных течений и историей общественно-политических кружков того времени, а в следующую часть ушли и объединились сюжеты об идейных движениях 1840-х и 50-х гг.

В разделе «Западники и славянофилы» в издании 1918 года есть немаленький кусок, где подробно изложены и проанализированы взгляды П. Я. Чаадаева, чего не было в первом издании. В последней версии появились совсем новые разделы о декадентстве и символизме. Напротив, не дожил к 1918 году малюсенький, в 1,5 страницы, кусочек

о П. И. Новгородцеве из главы об идеалистическом индивидуализме.

Если принять во внимание общий объем книги (в издании 1918 г. 8 томов, от 100 до 200 страниц в разных томах) и хронологические рамки исследуемого периода (с конца XVIII в. до начала XX в., февральской революции), то изменения в тексте весьма незначительны.

Ряд монографий двадцатых годов представляют собой изданные отдельными книгами главы из «Истории русской общественной мысли». В 1920 г. вышли: в Берлине – изданное брошюрой введение к «Истории...» под названием «Что такое интеллигенция?» и в Петрограде раздел из восьмой части издания 1918 г., названный в новой транскрипции «Русская литература XX века (1890—1915)». А в 1923 г., снова в Берлине, практически без изменений были изданы с заголовком «Русская литература от семидесятых годов до наших дней» последние четыре выпуска все того же пятого издания «Истории русской общественной мысли».

Вторая, после «Истории...», в той же степени важная для понимания и самого Р. В. Иванова-Разумника, и характера его идей, книга – «О смысле жизни». Она увидела свет двумя годами позже «Истории русской общественной мысли», в 1908 году. Также как и «История...» не единожды переиздавалась. В 1910 году вышло второе издание «О смысле жизни», а в 1920 году в Берлине – третье.

И логически, по смыслу, и тематически, она является про-

должением «Истории русской общественной мысли». Есть прямое указание на то обстоятельство, что две книги – «История русской общественной мысли» и «О смысле жизни» – связаны между собой. В сноске к основному тексту говорится: «История русской общественной мысли – индивидуализм в смысле примата личности; это одна из модификаций имманентного субъективизма <...> тесная идейная связь с настоящей работой <...> факт, который нам хотелось бы особо подчеркнуть»¹¹.

И в связи с этим для выстраивания общей методологической схемы, которой для анализа самых разных процессов пользовался Р. В. Иванов-Разумник, имеет смысл, пренебрегая временем выхода в свет его базовых произведений, на первое место определить именно книгу «О смысле жизни», а не его «Историю...».

Структура книги трехчастна. В первом, 1908 г., издании «О смысле жизни» имелся еще подзаголовок «Федор Соллогуб, Леонид Андреев, Лев Шестов». Рассмотрение творчества этих писателей, точнее, вопроса о том, как каждый из них определял для себя смысл человеческой жизни, а еще точнее, насколько близко каждый из них подвигался к имманентному субъективизму – центральная часть работы. Во вступительной части Иванов-Разумник пытался обосновать недостаточность для решения вопроса о смысле

¹¹ Иванов-Разумник Р. В. О смысле жизни. Фёдор Соллогуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908. С.257—258.

жизни всех существовавших прежде философских и мировоззренческих подходов, от религиозного или мистического до всех вариантов позитивизма, и делал заявку на свое, оригинальное и универсальное решение. Третья часть содержала и краткую схему самого имманентного субъективизма, и краткий исторический очерк о том, как на разных этапах развития русской общественной мысли и литературы он проявлялся, и, наконец, проповедь имманентного субъективизма как единственно верного пути к разрешению вечных проклятых вопросов и отказа от бесплодных поисков объективного смысла жизни.

К изданию 1920 г. «О смысле жизни» сохранила структуру, но претерпела ряд технических преобразований. Первая, размытая содержательно, часть была заменена статьей «Еще раз о смысле жизни» 1909 г., не единожды уже опубликованной, которая была схематичной до дидактичности и очень определенной в смысле постановки вопросов и формулирования ответов. Соответственно, и последняя часть во избежание повторов была приноровлена к изменившемуся введению. Налицо обычная для Иванова-Разумника практика не домысливания и творческой переработки, а лишь перестановок технического характера в «дополненных и переработанных» изданиях.

В 1910 г. вышла в свет книга «Об интеллигенции. Что такое махаевщина. Кающиеся разночинцы». Она составлена из вышедшей отдельной книгой в 1908 г. статьи «Что такое

махаевщина? К вопросу об интеллигенции», и новой статьи «Что такое кающиеся разночинцы (К вопросу о „Вехах“)». Объектом этого монографического исследования является интеллигенция. В действительности, это вариация «Истории русской общественной мысли», но в данном случае свою позицию автор отстаивал через критику иных, между собой весьма различных, подходов к определению и оценке интеллигенции.

Две книги о Белинском – «В. Г. Белинский» 1918 г. и «Книга о Белинском» 1923 г. – также со всей очевидностью восходят, и тематически и в смысле методологических подходов, к «Истории русской общественной мысли», где Иванов-Разумник писал и о великих исканиях, и их отражении в творчестве, и об индивидуализме Белинского.

Есть у Иванова-Разумника монография, выпущенная в очень трудный для него период, в 1930 г., и только первой частью – «М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество». Это масштабное литературно-биографическое исследование, результат обработки прежде не разобранного архива Салтыкова-Щедрина, масса впервые изученных Р. В. Ивановым-Разумником материалов. И в этом смысле в этой работе он выступает в новом качестве. В этом случае демонстрация мировоззренческих установок автора не имела столь выраженного характера. И все-таки, там, где этических суждений и оценок нельзя было избежать, где необходимо было выявить мотивы человеческого поведения либо мотивы

вацию творчества, автор возвращался, конечно, к «Истории русской общественной мысли». Это не осталось незамеченным и автором предисловия к книге В. А. Десницким. Он писал и о подгонке материалов под мировоззрение Иванова-Разумника, и об абстрактности его суждений. Таким образом, и эта книга при всей её непохожести на ранние образцы, оставалась повторением множество раз уже высказанных в неизменном виде идей.

В следующей подгруппе – статьи Р. В. Иванова-Разумника.

Творческая карьера Иванова-Разумника началась с сотрудничества в «толстых» журналах. Статьи, литературные и общественно-политического характера, он помещал в разное время с 1904 г. в изданиях разных направлений: либеральных, народнических, советских («Русская мысль», «Вопросы жизни», «Современность», «Жизнь и социализм», «Критическое обозрение», «Русское богатство», «Современник», «Наш путь», «Знамя», «Заветы», «Книга и революция», «Былое», «Каторга и ссылка», «Вестник знания», «Литературный критик», «Детская литература», «Летопись дома литераторов»).

Он участвовал со своими статьями в коллективных монографиях. В их числе «История русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского, где Иванов-Разумник присутствовал с материалами об отражении

в литературе общественных и умственных течений 1830-х и 60-х гг. и со статьей о философии, творчестве и жизни Л. Н. Толстого, а также «Русская литература XX века» под редакцией С. А. Венгерова со статьей Иванова-Разумника об Андрее Белом.

Иванов-Разумник помещал статьи и в сборниках разного рода. В Юбилейном сборнике литературного фонда 1859—1909 гг. (1909 г.), в сборнике общественных, философских и критических статей «Самоубийство» (1911 г.), в двух сборниках «Скифы» (1917, 1918 гг.) – с двумя статьями в каждом, в книге «Искусство старое и новое» (1921 г.), сборниках «Пути революции» (1923 г.) и «Скифское» (статьи, материалы, воспоминания)», в сборнике статей «Современная литература» (1925 г.). В 8 томе «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона также имеется статья Иванова-Разумника о Белинском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.